

БОЯШЬ

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

№ 13.

Львовъ. 1. Юля

1867.

ОТЪ СЕРДЦЯ.

Повѣрте намъ братья родны!
Наши гадки чисты, щиры,
И якъ небо такъ погодны —
Полны любви, полны вѣры . . .

И мы багнемъ изъ народа
Покрушити все окопы;
И намъ мила всемъ свобода,
И намъ за людъ не жаль крови!

И намъ милы русси звуки,
Базки, пѣсни безконечны. —
Не цураемъ ихъ науки —
О повѣрте намъ сердечны! —

За щожъ вражду, ложъ мечете
Вы на чисты цѣли наши,
И голосите клеветы
Мовь бы родны дѣти Ляши? . . .

За то може, що въ роздорѣ
Бачимъ народну могилу?
Що при общомъ всемъ прапорѣ
Миліоновъ сводимъ силу?

За то вержете болотомъ,
Що братъ стаеъ по при братъ?
Що не хочеть быть гелотомъ
Въ своей родной русской хатѣ?

Що на прочныхъ мы началахъ
Хочемъ храмъ народный свести, —
Що не въ мечтахъ, идеалахъ
Мы искаемъ русской чести?

Що дѣлити мы не багнемъ
Съ вами дѣло чуже, враже?
Туда сердцемъ, душевъ тягнемъ
Куда Богъ, природа каже? . . .

Чи за тое насъ зовете:
„Перевертні, запродавці?“
За то брехневъ въ свѣтъ мечете
Въ вашихъ плуздовъ лихоманцѣ?

О, повѣрте — вы Пигмеи,
Намъ байдуже вражда ваша:
Общерусской вамъ идеи
Не убити! — она наша!! . . .

Оресь Авдыковскій.

Ошибка на ошибку.

Повѣсть С. Мешелъ.

III.

З Е Н Я.

Приборы до выѣзду.

(Продолженіе.)

— О Господи! — сотхнула теперь тяжко бабуна — яка то правда теперь на свѣтъ! — що то будетъ якъ Зеня довѣдается о всей сдѣланой ей кривдѣ; — то затруеть ей и такъ вже горькое житье. —

— Несчастье тай только, а всему причина тая подлая Ванда — розговоривала съ собою дальше бабуна — за нею пошолъ весь маестокъ Зенѣ:

черезъ ню стала Зеня теперь правдивою сиротою, — знаю я уже все тѣ обстоятельства, лишь не хочу сгадовати ничего о томъ Зенѣ, бо и на що маю ей огорчати житье тымъ, що уже пропало якъ камень въ водѣ. —

— Боже мой милосердный — сотхнула снова тяженько бабуна — яка то справедливость нынѣ между людьми . . . панъ Соха будьтобы опѣкунъ, — гарный ми опѣкунъ: не довольно, що скривдилъ Зеню до крайности, та еще выдераеть ей послѣднее на свѣтъ; выдераеть ей надѣю на лучшую долю — о! то вже тиранство — то нелюдскость, котру Господь певно укараеть! —

— Такіи тревожны гадки переходили теперь бабуно — единую покровительку Зенѣ, и въ тихъ

гадбахъ вошла она въ комнату своей внучки.

Зеня сидѣла при маленькомъ столику коло окна. Она была явѣ звычайно занята женскими работами. Уже на первый видъ на дѣвицу увѣритись было можна достаточно, що богато ей тяжело те перь на сердце. Ручна работа, котора на той часъ въ шитью новой сукнѣ состояла, лежала въ ту хвилю подлѣ Зенѣ на столику и ничь не занимало теперь дѣвицу, только гадка на гадку тиснулась ей на умъ: Думала она теперь то о своемъ дорогомъ Милю, то о терпкихъ укорузнахъ, якіи она отъ опѣкуна дознавала и що ю и дальше ще ожидали; розніи чувства прошивали теперь сволнованую грудь Зенѣ а на лиці ей отразилась непевность о лучшую будучность, що часто приводило ей въ крайное отчаяніе.

Оперши отъ журбы отяжѣлую голову о свою вѣжную руку, поглядала Зеня задумчиво на работу и только часами поводила она сумнымъ окомъ то по комнатѣ, то съ окна по огородовыхъ променадахъ. Не рѣдко вытягала она хустинку та отерала дрожачою ручкою заплаканое личко а каждый такий актъ сопровождалъ глубокии воздыханія, котрымъ — казалось — не будетъ конца.

— Чого ты плачешь? чого ты горюешь? — озвалася що только воиовиная бабуня. — на що тобѣ здоровье теряти, ты молода, тобѣ не нанынѣ только здоровья треба, — памятай Зеню на тое, що я тобѣ уже неразъ казала: уважай на себе, бо здоровья въ свѣтѣ не купишь! —

Зеня, котра въ той хвили задумана сквозь окно у городъ глядѣла, думала съ разу, майже на певно що чуеть голосъ своего опѣкуна — жестокого пана Сохи; она стрепенулась неначе бы съ сну напрасно пробуждена, поднеслась съ кресла, вхонила свою работу, подняла упавшии съ столика ножички и не поглянувши даже на говорящую, забралась до своей работы.

Но тая ошибка не тревала долго: Ледва бо Зеня первый стаяг иглою сробила, зиркнули ей чорненькии очка, що съ подлѣ темныхъ бровъ ей неначе двѣ зорки выглядали — а Зеня обачила передъ собою свою любячую бабуню.

Обачивши передъ собою бабуню положила Зеня шитье свое снова на сторону, тай стала дальше думати.

— Чи ты не чуешь Зеню, що я тобѣ говорю? — озвалась бабуня, — не думай, не пускай туги до сердца, уважай на здоровье, бо то сокровище найдорожшое!

Зеня думала все еще, та не промовила ни полъ слова. —

Послѣ поднеслась она истиняково изъ кресла, добула мокру уже отъ слезъ хустину, отерла

спотнѣлое личко та чорнии якъ терень оченята, а нахиливши задуману головку, стояла якъ тая ро-слинка, що заледве розцвившись, вянуги мусить отъ пиквару полудневого солнца.

— Эй Зеню — заговорила снова бабуня и то вже съ якоюсь то нетерпеливостію, и приступила ближше до Зенѣ; — ще разъ тобѣ говорю, не тужи, шануй здоровье бо его не такъ легко набути... шануй дитино, бо здоровье дорогое! —

— Правда, здоровье — кажутъ — дорогое — сотхнула Зеня изъ глубины скорбичого своего сердца — але бодай то только тому на свѣтѣ жити, кому доля гарно зацвѣла, — а я — сирота та ще й теперь майже безталанна — для мене дальшое житье — то, мабуть, ничь инного, якъ пропасть новыхъ страданій, чаша новыхъ горестей, — тай що менѣ по моемъ здоровью? . . . здоровье дорогое! але чи нема еще дорожшого на свѣтѣ? але суть и люди, що все дорогое, все найдорожше нѣвечать — ногами топчуть . . . О Боже — чого постигла мене такая доля! . . . лучше бы я была не зрѣла та не знала никого въ житію, якъ мала я теперь на все безнадѣиною остатись . . . Боже! за що ти страданія на мене . . .

Зеня хотѣла еще щось больше говорити, но жаль овладѣлъ теперь на сквозь ей душу: дальшии слова бесѣды, котору дѣвчина и доси вже майже въ отчаянню провадила, заумерла на дрожачихъ устахъ ей. Она стояла хвильку неподвижно: говорилиту теперь только слезы, котры по зблѣднѣломъ личку дѣвчины опять якъ горохъ покотились.

Тымъ видомъ Зенѣ смѣшалась бабуня: она стояла якъ скаменѣла неговорячи и одного слова, — смотрѣла только непрестанно на свою дорогу Зеню. — Що тобѣ такого Зеню? — озвалась она послѣ тревожнымъ голосомъ — чого ты такъ плачешь? за чимъ такъ горюешь? скажи моя дитино? —

— Та що буду говорити, — сказала Зеня — хибажъ незнаете бабуню, причину моихъ страданій — або чи я нынѣ первый разъ плачу, та горюю . . . не отъ нынѣ я плачу тай неразъ еще горько заплачу! —

— Неразъ! — правда! — видѣла я тебе сумною та задуманною — сказала бабуня — але такою якъ нынѣ, не бачила я тебе еще николи; а однако я думаю, що якъ всегда такъ и нынѣ причина твого сумованья тая сама, съ котрою ты менѣ уже отъ давна свѣрилась. —

— Тая сама причина, — кажется — тая самая бабуню — заговорила Зеня печальнымъ голосомъ — але время не однакое, — время нестойтъ на мѣстци: давнѣйше гадала я инакше, мала я по крайной мѣрѣ хочъ якуюсь ще надѣю, а нынѣ я

почти вже якъ переконана, що надѣятись на лучшу долю годѣ . . . .

— Якто Зеню? — озвалась бабуня съ якоюсь любопытностію — що ты хочешъ сказати тими словами? скажи менѣ выразиѣше! —

— Отъ послушайте — заговорила Зеня, — я хочу вамъ розсказати чого я нынѣ теперь така печальна. Якъ извѣстно вамъ, минуло уже полъ года отъ того времени, когда учула я отъ васъ тую печальную вѣсть, що опѣкунъ мой — панъ Соха намѣренію Миля совсемъ противный. Поздиѣше изъявилъ менѣ и самъ панъ Соха тое свое мнѣніе и отъ тогда то начинается мое горестное состояніе: надѣя, котра досель буйно розвивалась для мене, стала малѣти и исчезати, сердце мое, хотя затревоженное, озарялось якимъ такимъ лучемъ на лучшей оборотъ на будущее: отъ, думала я себѣ, время унываетъ а все съ нимъ смѣнясь, можетъ быти, що и тое съ временемъ смѣнится, та Богъ поблагословитъ моимъ намѣреніямъ; такой гадки была я та розганяла тугу. мою якъ могла, — а теперь иначе, теперь я узнала, що все дарма, що все дорогое для мене уже якбы пропало, — я теперь безнадежна, безпріютна, я теперь несчастлива — сирота вѣчна, — та и якъ не тужити менѣ, якъ не горювати? о чтобы теперь земля розступилась, я заразъ пошла бъ въ ню! —

— Що жъ то такого Зеню? — спросила бабуня съ ужасомъ, хита днесъ гдещо наплелъ тобѣ панъ Соха?

— О говорилъ, говорилъ бабуню! — сотхнула Зеня — вже отъ нынѣ менѣ досыть наговорилъ, — якъ згадаю собѣ на все тое, ажъ сумъ мене побераеть, слезы мимовольно съ очей льются!

— Що такого говорилъ? скажи? бо я о томъ ничего незнаю — спрашивала съ любопытностію бабуня — я знаю только за давнѣйшее. — То нынѣ може снова говорилъ Милю?

— Говорилъ та ще и якъ, — онъ мене приведеть до крайного отчаянія! Давнѣйше бывало оказовалъ панъ Соха неразъ своими бесѣдами, що вправдѣ противный есть напому намѣренію, однакожъ говорилъ онъ то якось деликатнѣйше — такъ, що я себѣ то въ не дуже зломъ свѣтлѣ толковала, — а нынѣ высказалъ менѣ уже совсѣмъ откровенно и ясно, чтобы больше не уводилась я надею на осуществленіе моихъ гадокъ — про Миля, — онъ объявилъ менѣ днесъ уже достаточно свою волю, — о! та его воля! — лучше бы было менѣ ей николи не знати! —

— Якажъ то тота воля, твого опѣкуна Зеню? — я все не могу тое поняти, вопрошала дальше съ нетерпеливостію бабуня — говори но говори, я на тое дуже любопытна. —

— Менѣ объ томъ розсказовати тяжко, — его воля и то послѣдна и рѣшительна есть — видите, — чтобы я отдалась за дѣдича съ сосѣдного села З.; вѣдь вы его знаете бабуню; неразъ былъ онъ вже тутки, але признаюсь вамъ, що менѣ и до головы не пришла николи тая гадка, по котрой онъ ту вѣдиль; ажъ нынѣ о томъ всѣмъ я дозналась — о лучше бы я была объ томъ николи не знала.

— Та що ты говоришь Зеню? — озвалась бабуня недовѣрчивымъ голосомъ — хита панъ Соха шуткуеть себѣ съ тебе; — таже дѣдичъ съ З. панъ Бѣгосъ то вже человекъ подошлого вѣка, вже и добре лисый а тобѣ ледва 16 годовъ минаеть; — смѣйся Зеню съ того, ты може и невырозумѣла добре, що панъ Соха про Бѣгоса тобѣ говорилъ, — онъ мусѣлъ иначе троха говорити. — Такъ панъ Соха такихъ рѣчей говорити не могъ. Она была певною, понеже увѣдалась разъ по бесѣдѣ пана Сохи, що намѣряеть пана Бѣгоса сватати съ Вандою! —

— Смѣйся съ того Зеню! — озвалась снова бабуня — чтобы тобѣ въ твоихъ намѣреніяхъ только панъ Бѣгосъ былъ на завадѣ а больша ничего то есть — Милю на певно твоей!

— Та вжежъ только панъ Бѣгосъ стоитъ менѣ на завадѣ — озвалась дальше Зеня — однако можна было изъ словъ пана Сохи о томъ достаточно убѣдиться, онъ высказалъ тое дуже ясно. —

— Та що жъ сказалъ тобѣ опѣкунъ твой въ томъ взглядѣ? — пыталась еще разъ бабуня.

— Казалъ, чтобы я собѣ Миля совсѣмъ съ головы выбила, що Милю менѣ не ровня „а въ конецъ wymagaеть того особа пана Бѣгоса.“

— Съ разу не была менѣ бесѣда пана Сохи понятною — а выпытуватись докладнѣйше о всѣмъ не мала я въ той хвилѣ достаточной смѣлости. Но тутъ обѣйшлося безъ мого вопроса: „Такъ буде, такъ!“ — озвался по хвилѣ до мене опѣкунъ прохожующий по комнатѣ — „Выбій себѣ съ головы того доробкевича Миля Сиротовского — ты шляхетского роду, отже и должна отдатись за шляхтича, — за пана Станислава Бѣгоса.“

— Таки слова чула я теперь первый разъ отъ пана Сохи — и не знала, що теперь чинити — я не знала, чи соромитись чи плакаты; бо крайный стыдъ и великій жаль овладѣли много въ ту хвилю. Въ конецъ перемогъ у мене жаль, — я стала плакати та будто серіозно отновѣдати що пана Бѣгоса и знати не хочу. Но теперь настигъ и конецъ цѣлой бесѣды мого опѣкуна: Панъ Соха коли слышалъ, заверещалъ озлобленъ такъ, якъ никогда не случилось: Уважай! „Я упору твоего не

могу терпѣти” — „я тобѣ повелѣваю, выбий собѣ того доробкевича съ головы; — моя воля есть отдать тебе за пана Бѣгоса. Того я желаю и отъ того не ѳтступлю, мусить быти якъ я хочу!” —

Тои выголосивши, выйшолъ съ комнаты трѣснувши за собою дверьми, що ажъ окна забренчали. — Я еще больше розилакалась, тай доси годѣ менѣ отъ слезъ повздержатись. —

На всю тую бесѣду Зенѣ не знала теперѣ бабуня ничего отвѣтити, — оповѣданье бо дѣвицѣ о воли пана Сохи, которе бабуня передже за невѣроятное держала, сталося для ней правдоподобнымъ и певнымъ.

— Все тое дуже легко быти може, — думала собѣ теперѣ бабуня — панъ Соха имѣеть може добре якій новый планъ, котрый для него користнѣйшимъ быти видится, — та намѣряе доистно выпхати Зеню насильно за Бѣгоса, за которого онъ перше Ванду сватати намѣрялъ — была бы то вправдѣ велика нелюдскость — Зеня могла бы то здоровьемъ а може и житьемъ переплатити, але такой панъ Соха на ничь не зважаеть . . . отъ, якъ користѣлюбивый а до того еще и злонравый та злобный человекъ! — Нещастна та Зеня тай только.

Такъ толковала собѣ бабуня Зенине оповѣданье про волю пана Сохи; та розгадовала надъ способомъ въ якій бы тую рѣчь усилши для Зенѣ вытолковать та ей въ добромъ свѣтлѣ представить, якбы то Зеню трохи розвеселити; однакожь такая задача сдавалась зъ разу трудною; бо справдѣ было се рѣчею не легкою поддати словамъ пана Сохи инный толкъ якъ той, котрый онъ съ такою прецизною ясностію высказалъ. Тому то и стояла бабуня довшое время задумана — не говоря ни слова.

— Но, но Зеню — перерываючи вконецъ свое долгое молчаніе — ты менѣ ту вправдѣ досить наговорила, але я не вижу тутъ достаточной причины твоего отчаянного жалю та плачевъ, якій ты исправляешь.

— Та щожъ бабуня говорятъ? — озвалась Зеня здумѣвшаяся — чи не имѣю чого жалѣти и плакати, если менѣ опѣкунъ мой выразно сказалъ, щобы я выбила собѣ съ головы гадку за Миля, — що выдасть мене за пана Бѣгоса.

— Та що тобѣ на умъ пріішло Зеню! — продолжала бабуня голосомъ потѣшающимъ — я тобѣ ще разъ кажу, що панъ Соха шутковалъ собѣ только съ тебе, и вымушенный усмѣхъ показался теперѣ на лиці бабунѣ. —

— Вы бабуню шуткуете собѣ съ того а менѣ оно до крайности долгае: бо якъ могль панъ Соха шутковати, коли онъ слова тѣи съ наибольшою серіозностію выголосилъ, — добра ми шутка! —

— Пожди — но, пожди, Зеню — отвѣтила на тое бабуня, — ты мусишь взяти на увагу, для чого опѣкунъ твой слова тѣи серіозно выповѣлъ; ты сама была тому причиною.

— Якъ то бабуню? — запытала любопытно Зеня.

— Таже съ всего того оповѣданья видко, що съ начала опѣкунъ твой на серію говорилъ.

— Та оно правда бабуню — потакнула Зеня — тогда можъ бы было еще за шутку ушло, але якъ я послѣ сказала, що и знати не хочу про пана Бѣгоса, — то опѣкунъ мой тогда совсѣмъ серіозно сказалъ, що то есть его воля и що такъ мусить быти, — тое не можъ вже чей за шутку взяти.

(Пр. сл.)

Старина Русской земли.

(Продолженіе.)

III.

Могилы. Какъ хоронили покойниковъ. Остатки жилья и пищи.

Много остатковъ отъ былой жизни народовъ разсыяно (какъ замѣчено выше) по бѣлому свѣту — въ поляхъ, лѣсахъ, озерахъ и рѣкахъ; но лучше всего объясняютъ старину древнія *могилы*.

Хороня покойника, люди всегда думали, что отправляютъ его на новое житье, подобное настоящему, но гораздо худшее. Поэтому снаряжали его въ лучшее убранство и клали съ нимъ въ могилу все, что нужно было ему при жизни; да по временамъ приносили еще подкормку на могилу. У нашихъ сибирскихъ народцевъ до послѣднихъ временъ это дѣлывалось а можетъ быть, кое-гдѣ и нынѣ дѣлается. Стало быть, вещи, находимыя въ могилахъ при костяхъ, всего менѣе могутъ быть объяснены случайностію и нерѣдко самымъ положеніемъ своимъ около костей даютъ намъ возможность уяснить ихъ значеніе и употребленіе. Кромѣ того, здѣсь можно наблюдать различныя способы погребенія людей, разные обычаи, и тѣмъ еще болѣе опредѣлять житье-бытье того народа, который оставилъ по себѣ эти могилы. Наконецъ самыя кости людей, погребенныхъ въ могилахъ, при сличеніи ихъ съ костями извѣстныхъ уже породъ людскихъ, могутъ указать намъ, какому именно племени людскому принадлежать тѣ или другія могилы: „не вси бо человекѣ въ единъ образъ, но кый же своимъ лицемъ образомъ, по Божіи мудрости”^{*)}).

^{*)} Есть наука Антропология, наука о человекѣ и его племенахъ или породахъ, которая изучаетъ физическій строй разныхъ породъ людскихъ и измѣненія этого строя подъ вліяніемъ жизни, природы и цивилизація.

Не всегда человекъ погребалъ покойниковъ, такъ какъ это дѣлается теперь у просвѣщенныхъ народовъ.

Въ началѣ онъ удалялъ лишь отъ себя трупы умершихъ, относя ихъ на вершины скалъ и горы, или закутывалъ ихъ плотно наплотно и клалъ на подмости, устроенныя между вершинами деревьевъ или привѣшивалъ ихъ, какъ колыбель. Этотъ послѣдній способъ похоронъ доселѣ употребителенъ у нѣкоторыхъ полудикихъ народовъ отдаленнаго сѣвера. Въ преданіяхъ нашихъ *арійскихъ* народовъ такъ называемаго кавказскаго, *иафетова* племени какъ-то: почти всѣхъ народовъ Европы, Осетинъ, Армянъ, Курдовъ, Персіянъ и Индѣйцевъ) сохранилась смутная память о похоронахъ послѣдняго рода. Въ нашей сказкѣ, напримѣръ, о красавицѣ царевнѣ, которую гонить со свѣта завистливая мачиха, говорится, что, когда подосланная мачихою колдунья отравила красавицу, то братья положили дѣвицу въ гробъ и *повѣсили* гробъ на цѣпяхъ *высоко между деревьями*.

Впрочемъ и тогда въ разныя времена, даже у разныхъ племенъ одного и того же народа, были разнообразныя способы похоронъ или, вѣрнѣе, удаленія отъ себя умершихъ. Было, напримѣръ, обыкновеніе у Арійскихъ народовъ спускать трупъ умершаго *по водѣ*, кладя его на плотъ или въ лодку. Память объ этомъ сохранилась не только въ преданіяхъ, но и въ языческихъ обычаяхъ бывшихъ древле у Руссовъ (норманскихъ нѣмцевъ) при похоронахъ, которыя описали очевидцы (покойника сожигали въ лодкѣ) и даже въ словахъ тѣхъ народовъ нашего арійскаго племени, съ которыми предки наши когда-то составляли одинъ народъ, одинъ языкъ. Такъ у грѣковъ *нао* (*νάω*) значило *шеку*, *нео* (*νέω*) *плаваю*, *навс* (*ναβς*) *карабль*, лодка, то что плаваетъ; у латинцевъ (древнихъ итальянцевъ) *карабль*, лодка, также назывались *навс* (*navis*); а по нашему слово *навь* или *навье* значитъ уже не лодку, а прежде всего *могилу*, *гробъ* и потомъ то, что когда-то плыло въ лодкѣ — *умершее*, *покойника*.

„Въ навье глядѣть” — нѣкогда значило тоже что это „въ могилу смотрѣть,” быть на волость отъ смерти; „навь (мертвецъ) изъ гроба исходящи,” „въ навѣхъ” — среди мертвыхъ, умершихъ. У летописца Нестора (1116 г.): „се навь пришелъ,” или — „яко навье бьютъ Полочаны” и т. под. У Малоруссовъ же *русалочки* (т. е. дѣти умершія безъ крещенія и будто-бы живущія *въ водѣ*), называются *мавки*, т. е. *навки*, что собственно значило *покойнички* пущенные по водѣ, и „навский Великдень” — мертвецкій свѣтлый праздникъ.

Наконецъ, самая форма древнихъ и нынѣшнихъ нашихъ простыхъ гробовъ, *колоды*, долбленыхъ изъ цѣльнаго дерева, есть совершенно таже самая, какую имѣли въ глубокой древности лодки, т. е. родъ нынѣшнихъ долбленыхъ чолновъ и *колоды* для водоноя.

У другихъ, родственныхъ намъ народовъ воспоминаніе о погребеніи такого рода сохранилось въ самыхъ даже надгробныхъ памятникахъ. У древнихъ, на пр., Скандинавовъ, Нормановъ (Шведовъ, Норвежцевъ, Датчанъ) на могилѣ выкладывали камнями изображеніе лодки.

Въ зимнее время тѣже племена, зашедшія на сѣверъ не могли уже по водѣ спускать покойниковъ; а потому и обычай для похоронъ сталъ у нихъ иной. Тамъ въ зимнее время запрягали въ сани не освоенныхъ оленей или коней, и, положе на нихъ лодку съ покойникомъ или просто покойника, спроваживали его такимъ образомъ въ неизвѣстную степенную даль, въ неизвѣстную новую жизнь. Память о похоронахъ такого рода сохранилась до позднѣйшаго времени у насъ въ древнихъ нашихъ обрядахъ при похоронахъ и въ народныхъ сказаніяхъ. Такъ напримѣръ въ разсказахъ о *ночныхъ разбѣздахъ мершвецовъ-колдуновъ*, о вѣдьмѣ-царевнѣ, которая (или за нее знѣхарка) мудренными загадками объясняетъ, что еѣ слѣдуетъ хоронить (*лѣшомъ*, замѣтте) не иначе, какъ въ саяхъ, запряженныхъ „двумя, да не парою,” т. е. конемъ, да бывомъ, и т. под. Сани вообще составляли когда-то принадлежность знатныхъ похоронъ.

(Пр. сл.)

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Биографическія извѣстія о знатнѣйшихъ мужахъ славянскихъ, отправившихъ ся на московскую этнографическую выставку.

VII.

Грегръ Юлій.

Грегръ Юлій, докторъ правъ, родился 1831 г.; издатель газеты *Národní Listy* съ 1861 года. Грегръ былъ неутомимымъ проповѣдникомъ федерализма, и въ своемъ рвеніи не разъ жертвовалъ и состояніемъ, и лично свободою за стойкость убѣжденія и прямоту слова. Знаменитъ его Юньскій процессъ 1862 г., по которому онъ былъ лишень редакторства, докторскаго диплома и приговоренъ къ 4-мѣсячному тюремному заключенію и карѣ 1.300 гульденовъ. Городовъ 19 и 260 сельскихъ общинъ Чехіи, прислали ему адреса съ выраженіемъ сочувствія. Послѣ многочисленныхъ овацій, высшій Пражскій судъ продолжилъ срокъ его заключенія до 10 мѣсяцевъ и возвышилъ кару до 3000 гульд. Газета его имѣла нѣсколько радикальный оттѣнокъ и сначала была дурно расположена къ Россіи. Ея односторонно-

сти побудили Палацкого и Ригера отдѣлиться отъ ней и основати новую газету Narod, которая въ прочемъ существовала недолго. Въ новѣйшее время Narodni Listy значительно были измѣнились, а запрещены временно, замѣнены остали газетою Narodne Noviny.

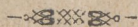
ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ИНЫИ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Науковомъ Сборникѣ, издаваемомъ литературнымъ обществомъ Галицко-Русской Матицы за 1866 г., въ выпуску III. и IV. въ статьи „Некрологъ“ помѣщено есть письмо Д-ра Карла Ивановича Кузманія, изъ котораго вынимаемъ слѣдующія уступы: Изъ „Zukunft“ мы видимъ, что у васъ введыглись нечистойны споры относительно письменнаго языка. Пусть будутъ споры учены, но не вражды! — а что такое „Panrussen?“ Госноди! неужели намъ всегда и повсюду встрѣчаться не съ вѣшними только врагами но и — вѣтъ, нельзя высловать мнѣ, что сердце сожираетъ. Я увѣренъ, что Вы всегда противодѣйствовать намѣренный противъ тому дробленію письменнаго языка Вашего, сроднаго съ великорусскимъ языкомъ.“

Печатаемъ „Старину“ безъ малѣйшаго измѣненія, такъ якъ она находится въ оригиналѣ, щобъ чт. Читатели убѣдились, що языкъ, которымъ пишеть и говоритъ Русь закордонная, ницо инное якъ нашъ письменный галицко-русскій, выобразовавшійся съ временемъ изъ трехъ разновидчій 1) Волянско-подольского 2) Галицко-наддѣстрянскаго и 3) Угро-карпатскаго. Перемѣнивъ употребляемое въ бѣлорусскомъ нарѣччіи между простонародіемъ и приходящее въ южнорусскихъ грамотахъ словце какъ на „лкъ“, угро-карпатское „что“ на „що“ и пр. а мы доставимъ съ дуже малымъ извѣтствомъ мѣстныхъ и топонологическихъ выражений, языкъ великаго 60-миліоннаго народа русскаго.

СЛОВАРЕЦЬ

Гораздо далеко ставляется при прилаг. II степени; гораздо худшее — далеко горшое; плотно густо, крѣико. (fest); почти — майже; колдунья чаровница; плоть поронъ, славы на рѣцѣ; очагъ розложеный огонь, ватра.

ПИСЬМО до КУЛИША*).

Милоситивый Государь!

Извините, что молодець безъ вѣнца авторитета дерзаетъ писать до Кулиша . . .

Редакція Бояна обнародовала въ 9. Н. два письма отъ Васъ до Якова Ѳ. Головацкаго. Въ этихъ письмахъ отречаетесь Вы во имя Русскаго

* Помѣщаемъ намъ на дняхъ удѣленное „Письмо до Кулиша“ тѣмъ охотивѣше, що оно писано въ имени численнѣйшой академической молодежи нашей, которая, неугомоимо подвизалась на поли науки и умѣтности, съ негодованіемъ и презрѣніемъ смотритъ на всякій сепаратизмъ въ литературномъ направленіи галицкой Русн. Ред.

единства отъ своего правописанія, избрѣшеннаго Вами въ то время, когда всѣ въ Россіи были заняты распространеніемъ грамотности въ простомъ народѣ, которому никогда легко учиться ся. Далѣе спрашиваете Вы, напечатаетъ ли редакторъ Слова Ваше заявленіе по поводу этой „кулишивки,” потому что дѣйствіе, произведенное на галицкую молодежь Вашимъ корошенькимъ письмомъ (I.) указываетъ на необходимость подобной манифестаціи.

Редакція Слова напечатала въ 44. Н. перечень изъ втораго письма.

Стало быть, дѣло кончено.

Стало быть, Вы удивили русскую публику въ Галиціи слѣдующимъ письмомъ до г. Партыцкаго, обнародованнымъ на дняхъ въ журналахъ „Правда” и „Русь” :

Високоповажний Добродію!

Не знаючи ві Львові шакої людини, щобъ нею вѣвнившись, клопоставъ я, кого бѣ шо попрохати, щобъ напечатали денѣбудъ на видноці оце мое писаннѣчко, ша й загадавъ про Васъ, Добродію, яко спорудника Німецько-Руського Словника, що щиро принявъ за це пошрѣбне діло и жадае довести його до кінця. Прочитавши мій листъ, буде Вамъ розумно, чомъ я прошу Вашої ласки вилвити правду всѣму галицькому мирові.

Склалась така причина. Місяцівъ буде въ сімъ, показано мнѣ листъ одного львівскаго илекашеля, що ніби Ляхи вмыслили свій предківський жуванъ вкрити нашою свиткою ша й гукаши на всю Украину козацькимъ покликомъ, що ось би шо сюди, небожяша, горнішесь! Не Вамъ кажучи, ми аоняли віри, що саравді скоївсь уві Львові денничокъ украинскій шакий, наче се ми перемістили шуди свій курінь писарський, а въ шому денничкові, опрѣчь людскаго духу, а ні шху нашого не буде. Вже насъ давно лякано, що підкарпашня молодіжъ уповае на лядску шідмогу, не маючи за шо рукъ зачешити. Попивши, кажу, всѣму шому віри, я шоді жъ шаки написавъ до шого илекашеля, що треба остерегти нерозважну молодіжъ відъ омани, — нехай не порива очі на шідштуані гроші, бо, мовлявъ, самъ изъ себе ростиме народній духъ, коли такъ судилось, а збоку нішто його не оживить, Ажъ шумъ — на шобі! чушка прийшла шака, що й правішесь у шому денничкові буде наша, не шо шо! Бачивши шакий шідштувъ лядскій, пославъ я до Якова Федоровича Головацького листъ, довідуючись, чи напечатае львівське „Слово“ мій окликъ до громади, якъ-бѣи приславъ я? И прописую всю причину, и завітую, що коли Ляхи печаташимушь мою правописню на ознаку нашого рѣзмиру зъ великою Руссю, коли наша фронтимня правописъ виставлятимешця не яко шідмога народові до про-

світані, а яко знамено нашої руської розні, що я, писавши по своїмъ, по українськи, печаталиму етимологичнѣю старосвѣцькою ортографією. Се бѣ що — ми собі дома живемо, розмавляемо и писемъ сиваємо не однаково, а коли до чого дійдеши, що половиниши себе нікому не попустимо. Половинила насѣ лиха доля довго, и силовувались ми до одностійности руської кривавимъ рѣбомъ, и вже шеєрѣ шкоді лядського заходу насѣ розлучаши!

Такий бувѣ нахилъ моего листу до Пана Головацького. И добре и не дописавѣ того листу: написавѣ его уривкомъ, якѣ до прийшла, не для печаті. Думка була така, що якѣ одповідь надійде, що „Слово“ візьмешця печаташи мій окликъ, шоді вже ясно и широко виговіщу всю сараву. Що жѣ робить Панъ Головацький? Не одписавѣ проши моего листу нічого; бувши въ Варшаві, відбувѣ мене, замість браштерської поради, обіцяною, що зайде до мене, — ша мабушь не мавѣ часу; бачивѣ я его шількі середѣ гучної громади; коли жѣ дивлюсь — мій прийшлельский, невясненний листъ, не саишавшись у мене и не мавши права до того, взявѣ вінъ ша и напечатавѣ у „Слові.“ Та ще якѣ напечатавѣ? Урізавѣ шмасть зѣ почашку, урізавѣ шмасть зѣ кінця, вирвавѣ дѣщо зѣ середини, приставивѣ свою чи чужу, шількі не мою ірїсшавку и підписавѣ мое імѣя. Здивовавѣ я, вбачивши шакий обертайсь писарський. Бачѣ, думаю, якѣ вони шамѣ правди руської дождишь! У насѣ такимъ рѣбомъ ніколи не ходили!... Ова ша и годі! Нічого, бачу, зѣ ними про шаке и розмовляши.

Тимъ-шо мушу благати Васѣ, високоповажний мій Добродію, напечатайше сю обвістку, безѣ помилокъ, де самі знаєте. Нежай инші не важящя саможись хашні листи оглашаша, ша ще и ті до свої виодоби перекручуваши.

Щирий покїрникъ Вашѣ

Р. Б. 1867, травня 13.

П. Кулішѣ.

Зѣ Варшави.

То ли эта манифестация, М. Г.?

Я не расположенъ, подробно разбирать строки того слишкомъ юмористического „писаньячка.“ По крайней мѣрѣ, оно можетъ служить доводомъ вздора и непрочности всякихъ покушеній народного сепаратизма.

Но я дорожу честию любимичей нашего Галича, дорожу честию Головацкаго и редактора Слова, которыхъ Вы безразсудно оскорбили. *Безразсудно*, потому что Вы не позволили освѣдомиться лучше о цѣломъ дѣлѣ.

Вы сердитесь на Головацкаго, будто онъ „взявъ тай напечатавѣ“ Ваше письмо.

М. Г.! Въ то время, когда добросовѣстная галичко-русская печать Ваши письма обнародовала,

въ то время находился Головацкій въ Варшавѣ „середѣ гучной громади,“ какѣ Вы, сынъ Славянский, замѣтили. Заявленія же Ваши, впрочемъ уже повсюду извѣстныя, передала печати молодежь. Эта патриотическая молодежь, которая Васѣ любила.

Кажете далѣе, что никто не имѣлъ права, обнародовать Ваши приватныя письма.

Развѣ Вы сами, Вы сами не просили внушать каждому поборнику русскаго элемента въ Галиціи основныя начала политики, указаны Вами? Можетъ ли что нибудь распространять каковыя правила скорѣе и ширѣе, какѣ печать? Конечно, эти правила у Васѣ немножко измѣнились.

Развѣ мы, имѣя дѣло съ Вами, съ Вами, горячій другъ Галиціи, должны познаться прежде съ параграфами карнаго кодекса? Огорчило ли Васѣ напечатаніе письма приватнаго, стилистически обыкновенно необработаннаго? У насѣ въ двигающей отъ гнета Галиціи, имѣтъ критиковъ, М. Г. Конечно дѣло уже иное.

Сердитесь далѣе на Слово, будто оно сдѣлало съ Вашимъ письмомъ „обертасъ писарський“, будто оно начало и конецъ лишило какихъ-то „шмасть.“

Если вы уже не понимаете Вашего письма, редакция Бояна кажется готова Вамъ переслать копию*). Вы убѣдитесь, что редакторъ Слова, имѣя въ виду только заявленіе относительно кулишвики, пропустилъ съ начала изложеніе Вашей политики, и неотпечаталъ конецъ, гдѣ Вы простилися.

О совершенномъ сходствѣ печатной копии съ Вашимъ автографомъ можетъ подобно каждый убѣдиться, кто отъ редакторовъ Бояна затребуется, видѣтъ рукопись. Они кажется даже готовы, отлитографировать ее вмѣстѣ съ „писаньячкомъ.“ Не шевельнутся ли въ могилѣ кости Кулиша, когда литографія попадется въ руки біографу его?

Вы нашего любимца назвали иронически „плекателемъ.“ Извольте увѣриться, что мы того пле-

*) Несомнѣнно, что г. П. Кулишъ уже давно получилъ Ч. 10. „Бояна“, въ которомъ буквально напечатаны оба письма отъ начала до конца. Они выкепедированы — понеже Боянъ еще пропустку за кордонъ не одержалъ, яко надвычайна прилога по соизволенію редакціи „Слова“ въ 45 ч. закордоннымъ пренумерентамъ „Слова“ — точно въ томъ дни, на котромъ датованийъ есть листъ отвертый. Если г. Кулишъ сомнѣвался еще о подлинности своихъ писемъ, то могутъ они ему присланы быти въ оригиналѣ. Тѣмъ же Панамъ, которымъ письма Кулиша подробленными быти кажутся, пригадуемъ, що они могутъ каждого времени о несомности своихъ домысловъ убѣдиться, заглянуви до редакціи Бояна, гдѣ они сложены. Касательно же упрека П. Кулиша, що проф. Я. О. Головацкій ему неотписалъ, должны мы заявити, що г. Головацкій въ своемъ времени ему отписалъ, нащо и явныя доказы обрѣтаются. Ред.

кателя давно уже сложили въ сердца миллионѣвъ. Но для плевателей на нашихъ плевателей, М. Г. въ этихъ сердцахъ мѣста нѣтъ.

До Вашего „писанничка“ прижимаются уже отъ части польскіе органа „Газета Народова“ „Русь“, „Дзенникъ“ и пр., ужасно любезничая съ этой кулишивкой.

Эта куріозная кулишивка, собой очень невинное созданіе, какъ невинны и. пр. таблицы красками расписанныя съ цѣлью изобразить дитяти буквы, — эта кулишивка у насъ дѣйствительно „знамено руськой розні.“

Вы, можетъ быть, умышляете сепаратизмъ политическій.

У насъ М. Г. нѣтъ теперь политическихъ за-тѣй. Наша земля отъ пяти столѣтій кровавая баррикада, на которой племена сражались и сгибали за народность.

Стало быть, мы сознали, что *мы сыны 60-миліоннаго народа Русскаго, народа святаго и единаго какъ Богъ!* Стало быть, мы, русскіе граждане Австріи, хотимо трудиться надъ духовнымъ объединеніемъ *Славянской націи, въ кошорой предѣлахъ солницамъ не лъзя западашь!*

Во имя этого сознанія Русскаго единства, мы дорожимъ апостолами его, дорожимъ отъ сердца нашими учеными и публицистами, Зубрицкими, Головацкими, Петрушевичами, Дѣдицкими, Лискевичами, Наумовичами и пр., о которыхъ безъ уваженія говорятъ только Поляки и Кулишъ.

Во имя этого сознанія Славянскаго генія мы съ восторгомъ ступаемъ подъ Славянское знамя Кирилла и Меодія, подъ которымъ въ Славянской матушкѣ Москвѣ браталися Ригеры съ Шафариками а Шафарики съ Погодиными, а молчали только Поляки и Кулишъ.

Посѣтите насъ М. Г. въ Галиціи нашей. Мы, илоты Поляковъ и Нѣмцовъ, будемъ Васъ принимать хлѣбомъ-солью Славянъ.

Тогда убѣдится авторъ „писанничка“ и кулишивки, что, ежели бъ ее 1859 г. разумѣлъ былъ ц. к. какографъ Черкавскій, она неперемѣнно состояла бы въ школахъ, какъ 1867 г. въ протоколахъ кор. польскаго сейма.

Увѣрится, что польскія деньги дѣйствительно кокетничаютъ съ кулишивкой, что фактически на-шлись „уві Львові“ господа, которые за „grosze“ пишутъ клеветы и доносы — кулишивкой.

Увѣрится, что мальчишки, незнающіе азбуки исторіи и филологіи, очень юмористическія статьи пишутъ — кулишивкой.

Увѣрится, что эти господа и мальчишки эти ужасную борьбу съ „Міськвою“ пишутъ — кулишивкой.

Увѣрится наконецъ, что отъ этой кулишивки во всѣхъ слояхъ владѣетъ отвращеніе почти приу-величенное, что даже народъ ее не хочетъ знать, любояся на правописанію грамотъ вѣры своей.

Неужели вы грамотности хотите учить г. Партыцаго и компанію?

Неужели Вы — — —

Это каррикатурное исчадіе отца Духинскаго, и матери ограниченности найдутъ потомки наши въ патологіи русскаго народа.

И такъ то ли, то ли эта Ваша манифестація, М. Г.?

Мы народъ разложитъ не допустимъ!

Мы никакъ не сдались братьямъ отъ сѣвера, мы въ организмъ народа вносимъ начала демократическаго юга, и съ началами сими поступимъ въ исторію!

Но когда духъ Маккіявеля разрываетъ сердце народа, тогда мы — настоящіе Москвичи!

То Галичъ.

То результатъ органическаго развитія нашего. Для того вовсе не бросаю Вамъ въ глаза галиційскихъ донъ-Кихотовъ.

Кулишъ убѣдится неперемѣнно, что въ имени его дѣлаются безцеремонно галиційскія буйства.

Тогда, можетъ быть, Кулишъ воскликнетъ съ огорченіемъ: Галиційскіе дураки! они меня не поняли!

Тогда я до Кулиша напишу — оду.

Имѣю честь и пр. и пр.

Владимір Я. Стебелскій.

ПЕРЕПИСКА.

И. И. Серониковскій въ Москвѣ: Письмо получили — можна ли надѣяться на сочиненія Г. Ч...? Г. А. М. въ Товстѣб. Письмо отослали до Васъ. Δ Надѣйтесь-но не насъ!

БОЯНЪ выходитъ каждого 1., 8., 15., и 22. великимъ листомъ. — *Пренумерата*: на годъ: 5 зол. А. В., на полъ года: 2 зол. 50 кр., на четверть года: 1 зол. 40 кр. — *Гроши передпл.* адресуются до пчт. Редакціи Слова, ч. 144 м. — *Матеріалы* присылаются и. адресую: Левъ И. Михалевичъ ч. 145 м.

Издаеть и отвѣчаетъ за редакцію: *Стефанъ Гучковскій.*

Зъ печатиъ Ставроп. Института.